

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Генезис ноономики. Качественные изменения в
общественном производстве в процессе продвижения
общества к ноономике – диффузия собственности
(критическое сопоставление позиций классической
политэкономии и неоклассических взглядов)». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Я думаю, что главной темой данного коллоквиума может стать изменение ряда традиционных представлений как классической политической экономии, так и неоклассики в связи с началом качественных изменений в общественном производстве, его технологиях, факторах. Прежде всего речь может и должна идти о трансформациях содержания важнейших категорий экономической науки – собственности, стоимости – в условиях, когда главным ресурсом становится не ограниченный (материальный) ресурс, и результатом становится не производство ограниченных (материальных, в первую очередь) вещей, а использование неограниченных знаний.

Начнем, пожалуй, с проблемы собственности. Так, в тех случаях, когда мы говорим о диффузии собственности, возникает вопрос об основаниях этой трансформации. В чем они?

В своих предшествующих докладах и текстах я уже упоминал, что диффузия собственности связана со снижением значимости (мы именно такое слово употребляли) собственности как

института, обеспечивающего удовлетворение потребностей (помним, что потребность человека всегда удовлетворяется через некие общественные механизмы, институты).

В основе сегодняшнего экономического способа удовлетворения потребностей лежит собственность. Но этот (экономический) способ постепенно уходит в прошлое, и формируется социальное пространство, в котором человек получает одно, другое, третье и так далее, не опосредуясь отношениями собственности. В этом пространстве собственность имеет для него все меньшую значимость, ценность (обратим внимание на это понятие!) с точки зрения удовлетворения его потребностей.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Отмечу важный нюанс: Вы используете два понятия: и ценность, и значимость. Значимость – с точки зрения потребления, а ценность – с точки зрения сохраняющихся экономических отношений. Я правильно понимаю или нет?

СДБ. Совершенно верно. Значимость в экономике «оценивается» ценностью. В экономике, экономических отношениях. Но если представим себе удовлетворение потребности индивида в некоем, к примеру, предмете, без посредства экономики, мы можем говорить о значимости этого предмета для индивида. С точки зрения редуцирующихся экономических отношений, то есть существующих, но постепенно отмирающих, мы можем говорить о ценности с точки зрения социального контента вообще – о значимости.

В этом контексте уместно обратиться к господствующей в настоящее время неоклассической теории. В свое время маржиналисты говорили о том, что существует предельная полезность и, в отличие от классической политэкономии с ее трудовой теорией стоимости, рассматривали ценность исходя из теории предельной полезности. Чем больше происходит насыщение некоторыми предметами или объектами для удовлетворения этих самых потребностей, чем выше достигнутый уровень удовлетворения определенной потребности, тем ниже ценность объекта и, подчеркну, тем, вообще говоря, менее ценно всякое следующее приобретение (здесь мы уже входим в пространство отношений собственности) по сравнению с предыдущим. И это, в силу снижения значимости/ценности, влечет снижение стоимости объекта.

При присвоении объекта (значимость/ценность которого определяет его стоимость) он становится собственностью; она же, в свою очередь, становится (с ростом насыщения удовлетворяемой потребности) все менее значимой, вплоть до полной потери такой значимости. Диффундирует – можно посмотреть на это и так.

Я в данном случае склонен к достаточно критической оценке этого подхода по многим причинам (хотя бы, к примеру, по неуниверсальности его применения для описания реальности: не каждый конкретно следующий объект имеет меньшую значимость для удовлетворения потребности, иногда бывает равнозначная ситуация, а порой вообще может стать ровно наоборот), но это особенно критично, если мы переходим в пространство, где речь идет не об алмазах или глотке воды в пустыне, а о знаниях. Посмотрим хотя бы на такой пример, как насыщение потребности человека в некой книге. Формально рассуждая, все должно выглядеть просто: первая книга ему важна, вторая менее важна, пятая книга совсем уже не важна, и полезность ее едва ли не нулевая. Но при содержательном рассмотрении проблемы здесь встает вопрос: а о какой книге идет речь? О книге вообще? Пять книг купил, по цвету корешков подобрал, и потребность в книге удовлетворена? Очевидно, что вопрос в том, о какой книге идет речь. Если это не просто вторая, а некая другая книга? А если та же самая? У меня, например, есть молитвенник, которому 20 лет; я его вожу с собой везде, он уже поистрепался. Ценность второго точно такого же молитвенника, который я приобрел лет 10 назад, для меня существует, и она, эта ценность, не меньше, а может быть, и больше, чем первого. Почему? Да потому что, когда первый экземпляр истреплется окончательно, я буду пользоваться вторым молитвенником, и для меня важно, что он именно такой же.

В этом примере вторая (точно такая же) книга имеет не меньшую, а, наоборот, большую ценность, предельная полезность ее выше, чем у предыдущего объекта. Если же рассматривать совокупность разных по содержанию книг, то всякая новая книга для меня представляет определенную ценность, большую или меньшую, здесь говорить о том, какая книга полезнее, какая не полезнее, а где присутствуют, скажем, «противополезности», тоже сомнительное удовольствие.

Но даже если мы посмотрим на стандартный для маргиналистов пример с водой, то и здесь все будет непросто. Известное физиологическое свойство человека – удовлетворять жажду, ведь без воды, как поется в старой песенке, «ни туды и ни сюды», человек – животное, которое потребляет воду. Но известно и другое, что жидкость, потребляемая человеком, влияет на состав его крови, и если в течение короткого времени принять большое количество жидкости, то состав крови меняется, а кровь меняется по компонентам, но туда входят, например, литий и другие микроэлементы, которые влияют на функции мозга и нервной системы. При выпивании в один присест определенного количества воды, примерно 6-8 литров (в зависимости от веса человека), кровь изменится настолько, что человек умирает и спасти его уже невозможно. То есть здесь предельная полезность наступает при, скажем 5 литрах, а дальше наступает «отрицательная полезность». Как с этим? Данная теоретическая разработка ответа на этот вопрос не дает. Тогда можно ее рассматривать как некое качественное описание процесса насыщения/удовлетворения потребностей.

АВБ. Я бы сформулировал некое промежуточное резюме Ваших размышлений так: в той мере, в какой мы можем использовать маргиналистский подход, мы должны исходить из того, что применение теории предельной полезности должно быть связано не только с количественными, но и с качественными аспектами. Даже, пожалуй, иначе: возможность и целесообразность использования теории предельной полезности прямо связаны с содержанием как самих потребностей, так и того объекта, на который они направлены.

СДБ. Да, примем во внимание эту ремарку. Продолжу. На мой взгляд, вследствие своей неуниверсальности теория предельной полезности не является в полной мере научной, хотя у маргиналистов есть важное рациональное зерно, которое они (вот парадокс!) сами, как мне представляется, не очень-то и уловили. Мы к этому еще вернемся.

Посмотрим с другой стороны.

С точки зрения классической политэкономической теории собственность – это некие отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства. Но вот вопрос: производства – для чего? В чем суть производства? А суть производства –

это удовлетворение потребностей людей. Удовлетворение потребностей людей происходит тогда, когда люди присваивают то, что произведено, придавая данному феномену качество принадлежности некоторому конкретному лицу.

АВБ. И ограничение доступа кого-либо другого к объекту собственности.

СДБ. Да. Это включается в понятие принадлежности. Ну, не будем педантами, говоря об исключительной принадлежности.

Итак. В конечном счете в финале человек этот объект собственности съел или надел, или что-то еще такое, как-то применил, но никому не дал, все только сам. Себе. Для себя любимого. Это и есть собственность. Здесь собственность и полезность пересекаются с точки зрения того, что и полезность, и собственность определяются механизмом присвоения, у них общий, один и тот же механизм, по-разному трактуемый разными людьми.

И здесь важно найти соприкосновение классиков и неоклассиков: первые справедливо акцентируют собственность как отношение, но выделение вторыми такого аспекта, как предельная полезность, тоже имеет смысл. В чем он? Удовлетворение потребности, насыщение, завершение удовлетворения потребности, переход в отрицательную стадию и так далее – все эти аспекты важны, ибо они открывают путь к пониманию основ диффузии собственности.

АВБ. Если я правильно понимаю, Вы подводите к тому, что приближение к пределу насыщения потребности есть ключ к содержанию понятия «диффузия собственности»: по мере насыщения потребности ценность собственности на данный объект снижается, происходит диффузия собственности?

СДБ. Я бы сказал так: когда значение собственности падает, диффундирует, и институт под названием «отношение собственности» диффундирует вплоть до атома, до испарения, то есть до момента, когда цельный процесс производства, обмена и так далее заканчивается финальным потреблением. Этот момент и есть момент присвоения, только в данном случае это собственность. Когда она присваивается кем-то, она становится собственностью, если она не присваивается, она уже не собственность. Вот, к примеру, есть камень, лежащий на дороге, ничейный, он не собственность. Как кот Матроскин. Как только вы его обозна-

чили как *свой* камень, он стал вашей собственностью. Земля, которая стоит просто так, – ничья. Но, когда вы с помощью института собственности на землю ее огородили и назвали ее пастбищем № 6, тогда оно – это пастбище – уже может быть присвоено вами, оно уже чье-то, огорожено в соответствии с теми установками, которые есть в данный момент, которые зафиксированы в соответствующих институтах, характерных для данной стадии общественного развития.

Таким образом, если мы берем кусок земли для выпаса сотни овец, потом еще один кусок, потом еще один кусок, потом еще один кусок, а использовать эти – дополнительные – куски уже не можем, их предельная полезность для нас падает. Больше травы, чем на первых участках, ваши овцы не съедят. Остальное пропадет втуне. На каком-то этапе удовлетворение потребности в пастбище для сотни овец произошло, насыщение потребности в земле полностью завершено и присвоение каждого следующего куска для вас не имеет такой ценности, как первого куска. Здесь и «зарыта собака», которая говорит нам, что собственность, как институт, для нас становится не абсолютно значимой. Значимость пятого куска меньше, чем первого. Ценность – соответственно тоже. Цена на рынке (экономические отношения!) – тоже. В конце процесса, на каком-то этапе, это – уже незначимая вещь, не принимаемый (в собственность) объект. Несобственность. Это и есть процесс диффузии собственности.

Кстати, отметим важный «побочный» момент. Именно на этом «оселке» происходит «затачивание» другой проблемы – контрпоставления реальных и симулятивных потребностей. И – их различие. И в классических политэкономических представлениях, и у неоклассиков при рассмотрении этой конфигурации рассматриваемых понятий речь идет на самом деле об удовлетворении реальных потребностей; симулятивные потребности могут быть любимы, принципиально ненасыщаемы: нося априори иррациональный, трансцендентный характер, они – в общем случае – не могут быть в полной мере удовлетворены в принципе. В этом смысле, к примеру, еще в древности Аристотель отказал хрематике (прибыли ради прибыли, что есть суть базовой парадигмы современной «сбрендившей» «экономики», не имеющей

пределов удовлетворения симулятивной потребности в росте капитала ради роста капитала, денег ради денег...) в разумности.

Но – предлагаю вернуться к теме.

Теперь – о том, что касается происхождения собственности.

Если использовать подход классической политической экономии, современная собственность – это, как правило, продукт общественного труда, овеществленного в некотором феномене, продукт труда, который направлен на преобразование чего-нибудь в то, что нужно конкретно для удовлетворения потребностей человека.

АВБ. И здесь, если следовать Марксу, мы можем говорить о двух сторонах товара, находящегося в собственности. Одна – потребительная стоимость товара, продукт конкретного труда, удовлетворяющий конкретную потребность. Вторая сторона товара – стоимость, продукт общественного абстрактного труда. Эта стоимость в развитом товарном производстве имеет форму денег и удовлетворяет потребность в этом всеобщем эквиваленте. В капиталистическом товарном производстве стоимость товара (по Марксу) создается трудом наемного работника, который одновременно и создает новую стоимость (она равна стоимости рабочей силы + прибавочная стоимость) и переносит стоимость средств производства на создаваемый им товар. Тем самым стоимость капиталистически произведенного товара разлагается на стоимость средств производства, стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость...

СДБ. ...а расходы на зарплату в этой формуле на самом деле – это эквивалент стоимости рабочей силы, т. е. стоимости тех средств, которые нужны работнику для того, чтобы человек мог воспроизводить свою физическую и интеллектуальную способность к труду – ну и содержать семью, растить детей, которые придут ему на смену и не дадут остановиться капиталистическому производству.

Здесь я сделаю небольшое отступление. Производство, если следовать классической политэкономии в широком смысле, включает в себя и распределение, и обмен, и потребление. Но есть и понятие производства в узком смысле слова. Там есть орудия труда, предмет труда и сам труд. Так было в XIX веке. Сегодня я выделяю четыре основных компонента: это материальный

компонент – то, что связано с предметом труда, материалами и так далее, то, из чего делают продукт. Дальше – технология, т. е. каким образом, способом делают продукт. Еще дальше – то, как организованы процесс, организация производства, потому что современное разделение труда дошло до того, что у нас есть кооперация внутри производства, внутри производственной цепочки, внешняя кооперация и так далее, то есть разделение труда происходит на уровне даже вплоть до станочника. В этом плане организация производства – это отдельный фактор, который активно влияет на результат. Труд, наконец, сам труд. И – результат этого всего дела, наконец, произведенный продукт; не товар, продукт, берем просто продукт, потому что товар начинается, когда совершается обмен.

Когда мы рассматриваем эти элементы производства, мы говорим о том, что в каждом из этих элементов, в том числе и в материалах (если не брать совсем уж сырой материал, а из любого передела), присутствует знание, еще один, помимо материального (сырья, энергии и т.п.), ресурс производственного процесса. Этот ресурс по мере прогресса технологий постепенно вытесняет все другие – материальные – ресурсы. Последние (их доля) становятся все меньше и меньше (на единицу продукции), а роль знаний становится все больше. Наступает момент, когда знания становятся базовым ресурсом.

Но за счет чего происходит вытеснение знаниями других компонентов? За счет того, что знания позволяют человеку экономить время на производство единицы продукции, труда в создание товара вкладывается все меньше. Тем самым труда (субстанции стоимости по Марксу) становится все меньше и меньше.

АВБ. Позволю себе в этой связи короткое отступление. Нас, советских студентов, на спецсеминаре по «Капиталу» учили, что рост производительности труда и автоматизация производства ведут к тому, что, в соответствии с предвидением Маркса, человек становится «по ту сторону материального производства», а на смену абстрактному труду частного производителя, создающего товар в капиталистической системе, приходит всеобщий (научный, творческий) труд, который априори является общественно необходимым и не требует рыночной формы подтверждения своей общественной значимости. Это предопределяет конец

рыночно-капиталистической системы и общественной экономической формации в целом. Вы об этих положениях Маркса упоминаете в своих работах по ноономике.

СДБ. Да, это касается и живого, и овеществленного труда, постоянного капитала, который включает стоимость средств производства и предмета труда. Но на ваших семинарах не объясняли, почему это происходит. Почему «рост производительности труда и автоматизация производства» ведут к тому к чему ведут? В чем фокус? В чем причина неясности и недообъясненности?

Сюда ранее включили и знания. Не выделяя их роли, а как нечто само собой присутствующее. Не определяя специальную роль этого феномена как раз в этих процессах: роста производительности – чего? – труда и автоматизации производства, то есть редукации в этой марксовской формуле – чего? – труда! Но это совершенно необоснованно с точки зрения природы знаний, но не случайно с точки зрения принципов организации экономического общества. Между тем знания есть и в самом труде, рабочая сила более квалифицированного работника выше, ибо воспроизводство его способности к труду через повышение его квалификации предполагает освоение все больших по объему и содержанию знаний. Возникает феномен, которому я дал имя «знаниеемкий работник» – работник, у которого «емкость знания» (объем знаний и умение использовать их в производстве) гораздо больше, чем у работника предыдущего уровня квалификации и который может все больше и больше использоваться во все более знаниеемком производстве.

В любом случае труд работника, однако, все равно вытесняется. Вытесняется за счет того, что расширяется применение знаний и внедрение их через технологию в процесс производства.

Более того, эти знания присутствуют и в прибавочной стоимости. Классическая формула Маркса определяет стоимость как сумму постоянного капитала C (средств производства и предметов труда) и капитала переменного (труда и прибавочной стоимости, V и M). В отличие от Маркса, я считаю, что ее увеличивает – чем далее, тем более – не просто труд сам по себе, а внедренное через труд знание. Труд исчезает, но остается знание, знание дальше заменяет труд, в пределе этого процесса остается самодействующее производство, взаимодействие технических

устройств, то есть самоорганизация технологий и так далее. И тогда и потому и будет предсказанный Марксом переход человека «по ту сторону производства». При этом если мы знания можем овеществить не только в механические, но и в электронные и другие средства производства, в искусственный интеллект и прочее, то многие функции, которые выполнял человек, все больше и больше переходят к техническим устройствам, которые воспроизводят сами себя, постоянный капитал, С.

АВБ. В соответствии с классическим марксизмом здесь и наступает предел, конец рыночно-капиталистической системе производства. Вы видите это несколько иначе...

СДБ. Я считаю, что в этом процессе не только V исчезает, но и M постепенно превращается в С, потому что знания постепенно и замещают собой труд, и переходят в средства производства. Если труд исчезает, а знания его замещают, то прибавочная стоимость становится продуктом знания, и затем часть ее инвестируется на следующем этапе капиталистического производства не только в средства производства и труд (роль коих все время уменьшается), но и в знания, которые опредмечены и в первых, и во вторых, и в технологии, их соединяющей.

Что же такое знание, становящееся основой процесса производства? Это нечто незабываемое, точнее говоря – несоздаваемое, как станок или иное оборудование. Когда говорят «производство знаний», это неверно, не бывает производства знаний, они существуют объективно, бывает процесс «добычи», постижения, открытия, восприятия знаний. Но дело в том, что знания имеют особую природу, об этом я еще 35 лет назад писал в своей первой диссертации (что уже и тогда было далеко не открытие). Эта природа заключается в том, что знание «в руках не удержать». Если мы говорим о том, что знание (то, что является результатом научного исследования или конструкторской работы) как-то закреплено в виде интеллектуальной собственности, то это не «естественное» его состояние, не институт, существовавший вечно. Еще пару веков назад не было такого феномена, как патент. Этот и другие инструменты т. н. института интеллектуальной собственности появились с развитием экономических отношений, когда знания стали значимым ресурсом производства –

ресурсом, который уже невозможно было не учитывать в процессе производства.

В результате сформировались такие институты, как патент, патентное право, поверенные, юридически оформленная собственность на знания, т. е. был искусственно создан институт интеллектуальной собственности. Но дело в том, что знания – это не изначальный объект, который можно огородить и он в этом огороженном пространстве будет находиться в единичном экземпляре. Знание невозможно «удержать» длительное время, оно «растекается», осваивается другими и остается у них.

АВБ. Маркс это определяет как продукт всеобщего труда, неограниченный по своей природе и потенциально принадлежащий всем. Марксисты-шестидесятники ввели для обозначения этого феномена понятие «собственность каждого на все», а современные левые интеллектуалы выдвинули лозунг: «все, что можно раздавать, не теряя, не должно продаваться», не должно быть собственностью. Отсюда – практики бесплатного, открытого для всех программного обеспечения, «копи лефт» (как альтернативы «копи райт») и т. п. Неоклассики это определяют как блага, характеризующиеся свойствами неконкурентности в потреблении и неисключаемости. Знание – это то, что по идее может и должно быть доступно всем, каждому, без ограничений, нет?

СДБ. Да, за знания можно постараться слупить какие-то деньги, но даже институт патентов предусматривает *временное* огораживание знания. Это временное ограничение не случайно: оно учитывает природу знания, учитывает то, что через какое-то время знание, даже если вы его сумели «огородить» при помощи института частной собственности, становится общим достоянием, как бы кто бы ни стремился его огораживать. Теорему Пифагора невозможно эксплуатировать 2000 лет и платить Пифагору или его наследникам за эксплуатацию теоремы.

Поэтому интеллектуальная собственность имеет длительность. И – неопределяемые сверхточно границы (что называется, начало и конец), что тоже вытекает из природы знания. Отсюда, даже при наличии развитых институций интеллектуальной собственности, – сложно определяемые права ее владельцев. Посмотрите, к примеру, сколько судов по интеллектуальной собст-

венности по сравнению с судами по материальным вопросам – доли процента.

АВБ. Это – очень важная деталь, указывающая на противоречия института интеллектуальной частной собственности.

СДБ. Эта противоречивость проистекает из природы объекта. Если мы говорим об объекте материальном, то здесь собственность – понятный институт, понятен, как его защищают. Это связано с тем, что этот материальный объект принадлежит некоему лицу, само право присвоения направлено на конкретный объект, который не может одновременно быть в собственности у других людей, принадлежать другим или быть освоен другими и так далее. Он имеет точное пространственное местоположение, размеры, границы и т. п. Он персонифицирован – ваша ручка, ваш стол, ваш дом и так далее.

Но это – материальные объекты. В сфере знаний ситуация иная. Теорема, которую вы доказали, или ваша конструкторская разработка принадлежит вам, но как только вы ее внедрили куда-нибудь, объяснили ее другим, передали ее другим – она уже принадлежит фактически и другим (хотя в случае «защиты» ее патентом она как бы не есть собственность других!). Знание не может быть удержано другими, оно все дальше и дальше распространяется. Постепенно его осваивают все.

Более того, существует объективный процесс, на который я указал еще много лет назад, – процесс «ускорения ускорения» научно-технического прогресса, в основе которого лежит ускорение ускорения нашего познания мира, потому что всякое новое знание позволяет открывать новое знание. Чем больше знаний мы открываем, тем больше пространство и знания, и незнания (помните, мы когда-то говорили про шар, который раздувается: чем больше шар, тем больше поверхность, с которой он граничит, чем больше «шар» знания, но тем больше и поверхность незнания). Каждый кластер новых знаний влечет за собой не один, а множество (бесконечное, хотя мы в конкретный момент воспринимаем лишь ограниченную часть этой бесконечности) новых кластеров знания, открываемых вследствие появления первого, а каждый из новых кластеров знания, в свою очередь, как цепная реакция, все больше и больше открывает новые.

Это приводит к тому, что скорость постижения новых знаний становится все большей, а это значит, что скорость освоения предыдущих знаний тоже увеличивается. Следовательно, и патент не может быть вечным, потому что появляется новое изобретение, затем появляется еще более новое и так далее.

Отсюда – стремление к скупке патентов и в ряде случаев торможение прогресса ради сохранения интеллектуальной собственности и ренты. Здесь – налицо противоречие между тем, что сегодня вложено владельцем интеллектуальной собственности в процесс производства и новым знанием: для собственника важно окупить вложенные ресурсы в рамках приобретенного им знания, и если новое знание этому мешает, собственник будет стремиться затормозить его внедрение.

АВБ. Да, Вы правы, это – двойственность капитала по отношению к НТП. Советские политэкономы много об этом писали, но потом это все объявили «красной пропагандой», а капиталиста позиционировали исключительно как перманентного инноватора.

СДБ. Это – скорее словоблудие. Ведь капиталист просто превращает часть знаний в формуле Маркса в C (абстрагируемся от редуцирующегося параметра V), и это C надо окупить, в том числе и купленные им ранее знания (скажем, предыдущие патенты или результаты ОКР), и если он не успевает это окупить, потому что маржа M , общая масса прибыли от этого продукта, позволяющая обеспечить компенсацию инвестиций, еще не успела к нему поступить, он выступит против инноваций. А зависит это от многого: от нормы M , от того, какова скорость оборота в этом процессе (потому что что-то может долго окупаться, что-то – медленно, можно сделать много и продать, можно мало продать, можно быстро продать, можно медленно) и так далее. Зависит от того, какой это конкретно продукт, какова его рыночная позиция и пр. В целом поскольку окупаемость еще не наступила, то капиталист пытается не дать новому знанию повергнуть старое в прах и разрушить тем самым и его, и M , и в конечном итоге и C (C не окупится через перенесение его стоимости на продукт! Это – потеря капитала, разрушение производства, банкротство), и только когда жизнь его заставит прикупить новое знание и включить его в состав C , он раскошелится, этот самый «перманентный инноватор». То есть – за счет этого идет, с одной стороны, прирост зна-

ний в экономике и в обществе, знания появляются и развиваются, а с другой – институт закрепления знаний в собственность тормозит процесс общественного развития.

Что из этого дальше вытекает? Из этого дальше вытекает важное следствие: поскольку технологический прогресс невозможно остановить, да к тому же он развивается быстрее, чем социально-экономический (институты общества идут вслед, а не впереди изменения технологий), постольку возникает противоречие между первым и вторым. Прогресс технологий – это базис (во всяком случае, в соответствии с классическими политэкономическими представлениями). Знания имеют естественное происхождение, не человек их придумал, человек их открывает подобно тому, как открывают месторождение руды или новую звезду, существующие объективно. Вслед за этим – раньше или позже – изменяются и социально-экономические отношения, институты и в т. ч. собственность.

Что же касается прибавочной стоимости, то в этом процессе она (это самое М) будет постепенно всё более реализовываться не за счет труда, а за счет знания, всё более становящегося общим достоянием и «дешевающим», во-первых, и, во-вторых, с насыщением потребностей людей значимость/ценность этого М будет теряться, поскольку теряется значимость/ценность собственности (в которой реализуется М в момент присвоения) как таковой вообще.

Рассмотрим этот процесс. Эта собственность (основа экономического способа удовлетворения потребностей) нужна тогда, когда ее получил предприниматель-капиталист (предприниматель, лицо, имеющее капитал, исходные материалы для того, чтобы поддержать производственный процесс). Когда он ее получил, то он через некоторое время превращает ее в новые феномены, которые позволяют ему продолжать этот процесс. В том числе таким феноменом может стать труд, а он, как мы отметили выше, постепенно теряет свое место в производстве, исчезает. В перспективе человек-работник из труда выходит, человек производящий уходит, но остается капиталист, который владеет средствами развития, например искусственным интеллектом, патентом, оборудованием, какими-то материалами и так далее. Заметим, всё более знаниеемкими средствами. Этот фактор стремится

получить новое М для того, чтобы купить новые средства для получения последующего М, и так далее.

Остается проблема реализации произведённого богатства, в том числе овеществленного в нем М. Но если мы видим, что насыщение происходит все больше и больше, технологический прогресс идет все быстрее и быстрее, процесс освоения знаний ускоряется, а при этом знания «растекаются», то в этом случае удовлетворение потребностей приводит к тому, что ценность этого М, прибавки, которая, еще раз подчеркну, превращается в собственность с момента присвоения, теряется.

Этот промежуточный вывод подводит нас к тому, что экономический способ производства постепенно уходит в прошлое, потому что стимул, требующий нечто производить, – это наши потребности, которые не удовлетворены ныне никаким другим способом – только экономическим, но со снижением значения собственности, как выше показано, мы переходим к неэкономическому способу удовлетворения потребностей людей. Отсюда – редуцирование и экономических отношений, и экономического (капиталистического) производства.

В этом контексте интересен вопрос о том, что такое современная экономика. Если я не ошибаюсь, в V веке до нашей эры было придумано слово «экономика». Оно означало некий способ ведения хозяйства, при этом предполагалось, что будут удовлетворяться потребности за счет этого ведения хозяйства. Позже, как я уже говорил, Аристотель подчеркнул, что есть еще и проблема получения выгоды, и здесь начинается хрематистика. Он смотрел далеко вперед, предполагая, что рано или поздно возникнет «получение прибыли ради прибыли», в его терминологии – это она и есть, хрематистика. Это получило широкое распространение с того момента, когда деньги заняли определенное место в процессе удовлетворения потребностей людей – сначала как посредник, потом – как цель и средство накопления.

Почему деньги стали средством накопления? Потому что у человека есть потребность в накоплении, обеспечении «подушки безопасности». Это – реальная и правильная потребность. Она призвана решать проблему разрывов, неперманентности, негарантированности непрерывности удовлетворения потребностей. На этапе становления человека, затем – в силу недоразвития об-

ществленного производства из-за низкого уровня технологий предыдущих технологических укладов – эта неперманентность как раз компенсировалась путем накопления необходимого для обеспечения потребностей в периоды разрывов возможности их удовлетворения из природы или общественного производства. Развитие этой потребности привело к тому, что наряду с формулами товар – деньги – товар и деньги – товар – деньги появилась другая формула – всеобщая формула капитала: деньги – товар – деньги с приростом. В результате товар превратился уже в посредника, сам процесс обмена, приводящий к удовлетворению первичных потребностей, стал вытесняться, а на первый план в нашем способе удовлетворения потребностей, то есть в экономике, пришел процесс обмена с целью получения прибавочной стоимости, главное место заняла другая потребность – потребность в прибыли, получение прибыли. Хрематистика, не имеющая рационального наполнения. А удовлетворение потребностей людей стало посредником между прибылью и прибылью+. Побочным, неглавным, второстепенным, вспомогательным элементом хрематистики. Со все более возгоняющимся процессом «искривления», симуляции потребностей и даже с исключением процесса удовлетворения реальных потребностей как посредника между прибылью и прибылью+. Деньги – из денег. Без продукта.

Так мы пришли к системе современных противоречий. С одной стороны, у человека есть потребности одного типа и потребности другого типа. И реальные, и симулятивные. И надо понять: как, почему они возникают, как соотносятся, как мигрируют одни в другие. На самом деле хрематистика в наше время не стала в полной мере подменой экономики, как часто считают. Аристотель, на мой взгляд, объяснил, что есть хрематистика, но не объяснил ее происхождение, как это мы сейчас сделали. А это важно. Мы предполагаем, что в одном флаконе по имени «экономика» в наши дни смешано удовлетворение самых разных потребностей – и витальных, и симулятивных, и сверхсимулятивных – потребностей в накоплении, в добывании прибыли и так далее.

Отсюда – императив поиска альтернативы, императив воспитания человека, культуры его жизни и потребления, разумного ограничения его потребностей, в первую очередь симулятивных. Возвращение к истинному назначению производства.

Но как будет развиваться реальный процесс? Объективное требование, превращающееся в насущную потребность человеческого общества, – снижение такого рода – симулятивных – потребностей. Оно произойдет тогда и потому, когда и почему будет снижаться экономический компонент способа удовлетворения потребностей. Сейчас мы вступаем в новый не просто технологический уклад, а в уклад особый, где знания становятся базовым ресурсом производства и основным содержанием и средств производства, и продукта. Знаниеемкого продукта. Призванного удовлетворять во всё большей степени насыщение потребностей – без труда как элемента производства, экономики. Постепенно, шаг за шагом, снижение основы экономического способа удовлетворения потребностей, снижение значимости собственности, ее диффузия через механизмы, о которых я говорил, через снижение трудоемкости и – шире – роли труда и так далее, в связи с ростом знаний, ведет к тому, что экономические отношения утрачивают свою определяющую роль, и человек начинает удовлетворять свои потребности напрямую, не опосредуясь экономическими отношениями. То есть ему будет нужен продукт, а не товар, который он получит без посредника; исчезнет мена в связи с тем, что все необходимые потребности будет удовлетворять самодействующая производственная система.

Эта связка позволяет показать, что на самом деле и классики, которые заложили основы трудовой теории стоимости, и институционалисты, которые говорили об институтах, и неоклассики – все они так или иначе говорят об одном и том же. Описывают на самом деле вышеозначенный процесс происхождения, развития и ухода с исторической арены института собственности.

И остается раскрыть вопрос о том, каким – экономическим или качественно новым – способом будут удовлетворяться потребности людей и как будет развиваться (и будет ли развиваться) новый способ. Сегодня они все говорят об экономике, описывают ее с разных позиций, пытаются объяснить, исходя из разных парадигм. Мы как раз пытаемся сказать о другом – что есть в этом вопросе основное.

АВБ. Правильно ли я понимаю, что, на Ваш взгляд, главная проблема – не в том, исходя из какой методологии и на каком

языке (классической политэкономии, неоклассики или др.) объяснить экономику, а в том, как и что идет на смену экономике?

СДБ. Верно, объяснять надо фундаментальные трансформации, свидетелями которых мы являемся, и объяснять их – исходя из процесса открытия знаний, внедрения этих знаний в тонкую ткань сегодняшних производственных отношений. Если мы понимаем, что в экономических отношениях базовые компоненты исчезают, исчезают компоненты собственности и прочее, то мы понимаем, что тем самым начинается переход к другому способу удовлетворения потребностей – неэкономическому. Через этап постепенного редуцирования нынешних экономических отношений и институтов в рамках формирующегося Нового индустриального общества второго поколения, трансформации их по траектории, описанной в моей недавней книге «Нономика: траектория глобальной трансформации» и в статьях последнего времени.